

за № 1865, по ходатайству Совѣта Кіевской Духовной Академіи объ утвержденіи Преосвященнаго Псковскаго Арсенія въ степени доктора церковной исторіи за представленное имъ на соисканіе сей степени сочиненіе подъ заглавіемъ: „Исслѣдованія и монографія по исторіи Молдавской церкви“. Приказали: Магистра богословія, Преосвященнаго Арсенія, Епископа Псковскаго, удостоеннаго Совѣтомъ Кіевской Духовной Академіи за вышеозначенное сочиненіе степени доктора церковной исторіи, утвердить, согласно представленію Вашего Преосвященства, въ таковой степени; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ“.

Постановили: Изготовить для Преосвященнаго Арсенія дипломъ на степень церковной исторіи и по изготовленіи проводить по назначенію.

II. Славный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 14 ноября сего года указъ Святѣйшаго Синода отъ 8 ноября 1904 года за № 11166: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: 1) представленіе Вашего Преосвященства, отъ 30 сентября сего года за № 1841, по ходатайству Совѣта Кіевской Духовной Академіи объ утвержденіи помощника инспектора Харьковской духовной семинаріи, кандидата богословія Павла Красина въ степени магистра богословія за представленное имъ на соисканіе сей степени сочиненіе подъ заглавіемъ: „Государственный культъ Израильскаго (десятикопѣннаго) царства“ и 2) отзывъ о названномъ сочиненіи Преосвященнаго Финляндскаго отъ 27 минувшаго октября за № 953. Приказали: Помощника инспектора Харьковской духовной семинаріи, кандидата богословія Павла Красина, удостоеннаго Совѣтомъ Кіевской Духовной Академіи за вышеназванное сочиненіе степени магистра богословія, утвердить, согласно ходатайству Вашего Преосвященства и отзыву Преосвященнаго

Финляндскаго, въ таковой степени; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ“.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

III. Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Киевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 16 ноября сего года указъ Святѣйшаго Синода отъ 15 ноября 1904 года за № 11469: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: представленіе Вашего Преосвященства, отъ 25 минувшаго октября за № 1864, объ утвержденіи нѣкоторыхъ лицъ въ званіи почетныхъ членовъ Киевской Духовной Академіи. Приказали: Избранныхъ Совѣтомъ Киевской Духовной Академіи въ званіи почетныхъ членовъ сей Академіи Преосвященныхъ Іакова, Архіепископа Ярославскаго, и Николая, Епископа Таврическаго, настоятеля русской посольской церкви въ Берлинѣ, протоіерея Алексѣя Малыцева и бывшаго экстраординарнаго профессора Киевской Духовной Академіи Теодора Орнатскаго утвердить, согласно ходатайству Вашего Преосвященства, въ означенномъ званіи; о чемъ, для зависящихъ распоряженій, послать Вашему Преосвященству указъ.“

Постановили: Изготовить для поименованныхъ въ синодальномъ указѣ лицъ дипломы на званіе почетнаго члена Академіи и по изготовленіи препроводить по назначенію.

IV. Отношеніе Совѣта С.-Петербургской Духовной Академіи отъ 20 ноября сего года за № 2259: „Совѣтъ С.-Петербургской Духовной Академіи имѣетъ честь увѣдомить Совѣтъ Киевской Духовной Академіи, что экстраординарный профессоръ Киевской Академіи М. А. Олесницкій 9-го сего ноября Совѣтомъ С.-Петербургской Духовной Академіи удостоенъ ученой степени доктора богословія за представленное имъ на соисканіе сей степени сочиненіе подъ заглавіемъ: „Изъ системы христіанскаго

правоученія“ и указомъ Св. Синода, отъ 17 сего ноября за № 11604 утвержденъ въ таковой степени, согласно представленію Высокопреосвященнѣйшаго Антонія, Митрополита С.-Петербургскаго и Ладожскаго“.

Постановили: Объ утвержденіи заслуженнаго экстраординарнаго профессора Академіи Маркеллина Олесницкаго въ степени доктора богословія записать въ формулярный о службѣ его списокъ.

V. Отношенія Канцеляріи Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода:

а) отъ 20 октября сего года за № 8146: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 14 октября 1904 года докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Киевской Духовной Академіи Корнилій Кекелидзе опредѣленъ на должность учителя географіи и ариметики въ Гомельское духовное училище“.

б) отъ 28 октября сего года за № 8317: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ Прокуроромъ 21 октября 1904 г. докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Киевской Духовной Академіи Ѳеодоръ Ковальскій опредѣленъ на должность помощника инспектора въ Екатеринославскую духовную семинарію“.

в) отъ 25 ноября сего года за № 9099: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 18 ноября 1904 г. докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидаты Киевской Духовной Академіи: Корнилій Кекелидзе освобожденъ отъ даннаго ему 14 октября 1904 года назначенія въ Гомельское духовное училище и Василій Словачевскій опредѣленъ на должность помощника инспектора въ Смоленскую духовную семинарію“.

г) отъ 1 сего декабря за № 9280: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ Прокуроромъ 25 ноября 1904 года до-

кладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Кіевской Духовной Академіи Асадъ Якубъ Кассисъ опредѣленъ на должность помощника инспектора въ Могилевскую духовную семинарію“.

д) отъ 9 сего декабря за № 9524: „По утвержденному Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ 3 декабря 1904 года докладу Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ кандидатъ Кіевской Духовной Академіи Михаилъ Бѣльскій, опредѣленный 16 августа 1904 года на должность учителя въ Ишимское духовное училище, освобожденъ, согласно прошенію, отъ даннаго ему назначенія.“

„Канцелярія Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода, долгомъ поставляетъ сообщить о семъ Совѣту Академіи для свѣдѣнія“.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію.

VI. Отзвѣы о рукописномъ сочиненіи преподавателя Кіево-Подольскаго духовнаго училища, кандидата богословія Николая Гумилевскаго, подъ заглавіемъ: „Значеніе самосознанія для богопознанія“, представленномъ для соисканія степени магистра богословія.

а) Доцента С. Несоцкаго:

„Раскрывая сочиненіе г. Гумилевскаго, читатель вправе ожидать, что въ этомъ сочиненіи будетъ строгая, систематическая рѣчь именно о значеніи самосознанія для богопознанія; а начиная самое чтеніе перваго отдѣла сочиненія, читатель сейчасъ же замѣчаетъ, что авторъ готовится рѣшать поставленный темою вопросъ въ строгомъ философскомъ духѣ. И подготовка авторомъ своего читателя къ тому положительному рѣшенію вопроса, какое имѣется въ виду дать въ послѣдствіи, очень широкая. Нить этихъ предварительныхъ разсужденій авторъ идетъ такимъ образомъ. Богопознаніе, по совершенно естествен-

ному разсужденію автора, отличается отъ познанія всѣхъ другихъ объектовъ не какимъ либо особеннымъ познавательнымъ процессомъ, совершающимся при этомъ, а единственно только своимъ содержаніемъ. И это даетъ поводъ автору, для опредѣленія постепеннаго хода богопознанія, предварительно разсмотрѣть общій процессъ познанія человѣческаго вообще. Работа эта занимаетъ у автора стр. 1—41 его сочиненія и состоитъ въ изложеніи ученія о познаніи представителей, съ одной стороны, эмпирическаго философскаго направленія, въ частности, между прочимъ, Локка, а съ другой стороны—философовъ направленія, такъ сказать, раціоналистическаго—изъ древнихъ Платона и Аристотеля, изъ новыхъ—Декарта, Спинозы, Лейбница, Лотце, Тейхмюллера. Разсмотрѣніе этихъ двухъ основныхъ философскихъ направленій въ рѣшенія существенныхъ гносеологическихъ вопросовъ,—конечно естественное въ виду отсутствія въ гносеологіи положительнаго *общепризнаннаго* ученія о познаніи вообще,—отсутствія, значить, безспорнаго критерія, на которомъ можно было бы опереться при изслѣдованіи частныхъ видовъ познанія,—приводить автора къ заключенію, что источникомъ познанія служить сознаніе, а значить и источникомъ самопознанія служить самосознаніе,—что познаніе вообще есть активное усмотрѣніе душою съ опредѣленныхъ точекъ зрѣнія взаимоотношеній между состояніями сознанія, подведеніе этихъ взаимоотношеній подъ категоріи. Установивъ такое понятіе о познаніи вообще, авторъ далѣе, на стр. 41—87, переходитъ къ частнѣйшему виду познанія—къ познанію Бога, излагая воззрѣнія на источяки и на самый процессъ богопознанія эмпириковъ—Локка, Юма, затѣмъ—древняго представителя раціоналистической философіи—Аристотеля, далѣе—учителей христіанской церкви, въ частности св. Григорія Нисскаго и блаж. Августина, и наконецъ—новыхъ философовъ раціоналистическаго направленія—Декарта, Лейбница, Фихте, Шеллинга, Гегеля и проф. Несмѣлова, исходящихъ изъ того положенія, что Божественное Существо подобно нашей душѣ, и потому опи-

рающихся въ своемъ познаніи Бога на самопознаніи, а слѣдовательно и на самосознаніи, какъ источникѣ его. Но такъ какъ это самосознаніе само по себѣ не можетъ еще привести насъ къ познанію Бога, какъ *дійствительно существующаго*, и можетъ давать основаніе нашей мысли только *признавать*, только *допускать* реальное существованіе высочайшаго Существа, то это обстоятельство возвращаетъ автора опять назадъ, опять къ познанію вообще, именно къ вопросу объ объективности познанія, который и рѣшается у него на стр. 87—139 путемъ обстоятельнаго критическаго разбора ученія о познаніи Канта. Разборъ этотъ приводитъ автора къ заключенію, что объективное познаніе вообще возможно, и что слѣдовательно мы не лишены возможности, при помощи нашего мышленія познать и Бога, если изъ какого либо источника получимъ доказательство или увѣренность въ Его реальномъ бытіи. Руководясь этимъ положеніемъ, авторъ, на стр. 139—182, разбираетъ взгляды на богопознаніе представителей эмпирической и рационалистической, а также идеалистической философіи и въ частности проф. Несмѣлова, послѣ чего приступаетъ къ своему, положительному рѣшенію указаннаго темой вопроса. Но здѣсь въ сочиненіи автора начинается довольно неожиданный съ логической стороны поворотъ: авторъ признаетъ самосознаніе недостаточнымъ для богопознанія и отыскиваетъ другой источникъ для послѣдняго, который бы неопровержимо свидѣтельствовалъ не только о самой природѣ Божественнаго Существа, но прежде всего о самомъ реальномъ бытіи Бога; источникъ этотъ онъ находитъ въ религіозномъ чувствѣ. Съ этой точки зрѣнія авторъ говоритъ объ обнаруженіяхъ религіознаго чувства въ языческихъ оргіяхъ, мистеріяхъ, въ языческомъ аскетизмѣ, о взглядѣ на него христіанскихъ мистиковъ, о религіозномъ чувствѣ у христіанскихъ подвижниковъ—аскетовъ и объ общемъ значеніи религіознаго чувства, какъ средства познанія Божества. Наконецъ, въ послѣднемъ отдѣлѣ своего сочиненія (стр. 182—207) авторъ дѣлаетъ психологическій ана-

лизъ религіознаго чувства, разбираетъ различные взгляды на него и говорить о немъ, какъ существенномъ источникѣ и основномъ средствѣ познанія Божества. Послѣднія пять страницъ сочиненія, названныя авторомъ „послѣсловіемъ (вмѣсто предисловія)“, содержатъ въ себѣ общій планъ сочиненія.

Говоря о сочиненіи г. Гумилевскаго въ его цѣломъ, трудно отчетливо представить себѣ, какое именно рѣшеніе вопроса имѣлъ въ виду дать авторъ, — философское-ли, или обще-религіозное, или специально-христіанское, или разностороннее — на основаніи многихъ возможныхъ данныхъ. Повидимому, авторъ смотрѣлъ на свою тему, какъ на философскую, и пытался отвѣтить на нее философскимъ путемъ. За это говорить и большое обиліе въ сочиненіи философскаго матеріала, и широкая постановка рѣшенія авторомъ предварительныхъ философскихъ, гносеологическихъ вопросовъ, и такого рода, напр., замѣчанія автора: „неужели дѣйствительнаго достовѣрнаго познанія о Богѣ безъ сверхъестественнаго откровенія мы не имѣемъ?“ (стр. 147), или: „такое богопознаніе (ученіе о богопознаніи св. Григорія Нисскаго), какъ основанное на догматическихъ предпосылкахъ, философскаго значенія имѣть не можетъ“ (стр. 48), или: „такое познаніе Бога (ученіе о богопознаніи средневѣковыхъ схоластиковъ и позднѣйшихъ западныхъ богослововъ) на основаніи самосознанія философскаго значенія не имѣетъ“ (стр. 50) и проч. И послѣ этого рѣзкимъ для читателя поворотомъ являются слѣдующія замѣчанія автора: чисто философскія „познанія о душѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и основывающееся на нихъ богопознаніе имѣютъ часто формальный и отвлеченный характеръ и вслѣдствіе этого даютъ слишкомъ мало расширяющихъ умственный кругозоръ положительныхъ свѣдѣній относительно познаваемыхъ объектовъ“ (стр. 150), или: „такъ какъ само сознаніе въ тѣсномъ смыслѣ (подъ самосознаніемъ авторъ понимаетъ сознаніе себя опредѣленною личностію, единою и тождественною, — стр. 149, 150, 188, 193, — исключая изъ области самосознанія субъективныя душевныя чувствованія чело-
вѣ-

ка, — стр. 193) не даетъ основаній даже для признанія бытія Абсолютнаго Существа, ни для утвержденія Его духовность, то нужно изслѣдовать, есть-ли вообще такое основаніе въ нашей *душевной жизни*“ (стр. 151). И результатомъ этого изслѣдованія являются въ сочиненіи двѣ (четвертая и пятая) главы съ заглавіемъ: „недостаточность самосознанія для богопознанія и отысканіе другого источника для послѣдняго“ и „богопознаніе, основанное на религіозномъ чувствѣ“. Естественно ожидать, что здѣсь авторъ, отрѣшившись уже отъ чисто философскаго рѣшенія вопроса о богопознаніи, будетъ рѣшать его на основаніи человѣческаго обще-религіознаго чувства, авторъ такъ и говоритъ: „религіозное чувство“ (стр. 158); „мы рассмотримъ, какое значеніе имѣетъ религіозное чувство для богопознанія, а потомъ посредствомъ изслѣдованія содержанія этого чувства установилъ самое богопознаніе“ (стр. 159); „религіозное чувство можетъ и должно служить основаніемъ богопознанія“ (стр. 182); „увѣренность въ бытіи Божіемъ основывается не на самосознаніи, а на религіозномъ чувствѣ“ (стр. 189) и проч. Но когда дѣло доходитъ до самаго анализа религіознаго чувства, авторъ заявляетъ, что онъ „будетъ имѣть въ виду религіозное чувство въ его чистой и естественной формѣ, а не въ томъ искаженномъ и извращенномъ видѣ, въ какомъ оно проявляется въ нехристіанскихъ религіяхъ“ (стр. 185), и анализируетъ религіозное чувство на основанія словъ Іисуса Христа, апостоловъ Павла и особенно Іоанна и на основаніи воззрѣній на него христіанскихъ подвижниковъ. Авторъ не обращаетъ вниманія на то, что религіозное чувство христіанское есть чувство человѣка искупленнаго и возрожденнаго и что смѣшивать это спеціальное религіозное чувство съ религіознымъ чувствомъ вообще никакимъ образомъ нельзя. У автора довольно далекій путь: самосознаніе, по его признанію, не можетъ привести насъ къ богопознанію, — и авторъ ищетъ другого источника — религіозное чувство; но и религіозное чувство вообще онъ не считаетъ достаточнымъ для приведенія насъ къ истинному позна-

нію о Богѣ и обращается къ спеціальному религіозному чувству—христіанскому. Какую же по существу службу сослужили автору прежде всего всѣ его философскія изысканія? При такомъ содержаніи, съ какимъ является сочиненіе г. Гумилевскаго въ его настоящемъ видѣ, строго-логическое соотношеніе ему могла-бы имѣть нѣсколько иная тема, а не та, какою озаглавилъ свое сочиненіе авторъ: въ сочиненіи, правда, очень много сравнительно говорится о значеніи самосознанія для богопознанія, къ выясненію этого значенія направляются всѣ философскія изысканія автора о сознаніи и познаніи, объ объективности познанія и т. д., занимающія сравнительно очень широкое мѣсто въ сочиненіи; не исключается значеніе самосознанія и при религіозномъ чувствѣ, какъ источникъ богопознанія. Но самое размыканіе авторомъ въ двухъ послѣднихъ главахъ самаго этого источника богопознанія переноситъ центръ изслѣдованія автора именно на этотъ вопросъ, и разсужденія автора въ этихъ главахъ о самосознаніи имѣютъ совершенно второстепенный характеръ, совершенно дополнительное значеніе. Далѣе, чисто-философскіе отдѣлы сочиненія автора представляютъ собою, безспорно, лучшія и цѣпныя части сочиненія, обнаруживающія въ авторѣ мыслителя, знакомаго съ философскими ученіями, излагающаго ихъ ясно и отчетливо, справляющагося легко съ труднѣйшими философскими понятіями; но и при той постановкѣ изслѣдованія, какую придавъ ему его авторъ, нельзя не замѣтить, что нѣкоторые изъ этихъ философскихъ отдѣловъ развиты въ сочиненіи сравнительно уже очень широко, такъ что эта, въ большинствѣ предуготовительная, работа автора значительно затѣняетъ собою самое рѣшеніе вопроса о богопознаніи. И самое распределеніе авторомъ своего матеріала по отдѣльнымъ главамъ или частямъ, а иногда и самый логическій распорядокъ сужденій автора сдѣланъ такъ, что легко можетъ вызвать противъ себя существенныя возраженія. Что касается частныхъ пунктовъ сочиненія, то и здѣсь можно найти предметы для замѣчаній. Авторъ, любящій вообще философскую мо-

тивировку, тѣмъ не менѣе иногда существенныя для его задачи положенія высказываетъ голословно. Нѣкоторые пункты сочиненія, при всѣхъ усиліяхъ автора, представлены недостаточно ясно. Можно указать совершенно излишнія мѣста въ сочиненіи. Нѣкоторыя свѣдѣнія авторъ почерпалъ только изъ вторыхъ рукъ. Эти частныя погрѣшности сочиненія можно было-бы еще не ставить въ особенную вину автору. Но отмѣченные выше существенные характерные недостатки, касающіеся всего сочиненія въ его цѣломъ, настолько ярко выдаются въ изслѣдованіи г. Гумилевскаго и настолько понижаютъ его научную цѣнность, что признать это сочиненіе достаточнымъ для *магистерской* степени я не нахожу возможности“.

б) Ординарнаго профессора В. Завитневича:

„Настоящее сочиненіе не имѣетъ ни предисловія, ни введенія, а поэтому, приступая къ ознакомленію съ нимъ, читатель предварительно не можетъ составить себѣ понятія ни о положеніи разсматриваемаго вопроса въ наукѣ, ни о той задачѣ, которую преслѣдовалъ авторъ.

Выходя изъ того положенія, что „ни одно гносеологическое изслѣдованіе не можетъ обойтись безъ предварительной установки основныхъ гносеологическихъ положеній, авторъ считаетъ необходимымъ рѣшенію вопроса о значеніи самосознанія для богопознанія предпослать разсмотрѣніе основныхъ принциповъ гносеологіи“. Центральнымъ вопросомъ въ гносеологіи, какъ извѣстно, признается вопросъ объ источникахъ и происхожденіи знанія. Указавъ на два основныхъ направленія въ рѣшеніи этихъ вопросовъ—эмпиризмъ и рационализмъ,—авторъ сначала излагаетъ основныя мысли родоначальника новаго эмпиризма Локка, а потомъ кратко останавливается на представителяхъ рационализма, къ числу которыхъ относитъ Платона, Аристотеля, Декарта, Лейбница, Лотце и Тейхмюллера. Обзоръ мнѣній этихъ фило-

софовъ приводитъ его къ выводу, что „источникомъ познанія служитъ сознаніе“.—Къ тому же выводу приводитъ автора и „психологическій анализъ происхожденія познанія“. Анализъ этотъ начинается попыткой установить „различіе между познаніями и чувствованіями“. Различіе это опредѣляется такъ: чувствованія человѣкъ „испытываетъ, переживаетъ“, тогда какъ познанія онъ только имѣетъ“; другими словами: „чувствованія служатъ выраженіемъ душевной жизни, тогда какъ познанія—являются только результатомъ дѣятельности души“. Въ области чувствованій еще нѣтъ познанія; познаніе начинается только съ момента „усмотрѣнія душою отношеній между переживаемыми его чувствованіями, въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. включая сюда и ощущенія“. „Сознаніе взаимоотношеній между чувствованіями и служитъ основой познанія. Однако это сознаніе, снѣпнть оговориться авторъ, само по себѣ не есть еще познаніе“; оно слишкомъ непосредственно, ему недостасть ясности и отчетливости „Для отчетливаго же сопоставленія и различенія элементовъ сознанія необходимо, чтобы душа опредѣлила принципы или пункты этого сопоставленія или различенія“. Такими принципами или „апріорными началами“ являются „понятія пространства и времени и категоріи“, которыя авторъ перечисляетъ по Канту. Стараясь, далѣе, установить генезисъ развитія познавательныхъ способностей, авторъ утверждаетъ, что указанное усмотрѣніе душою взаимоотношеній между чувствованіями оставляетъ въ памяти извѣстный слѣдъ, который можетъ являться въ сознанія независимо отъ вызвавшихъ его чувствованій. Накопленіе такихъ слѣдовъ образуетъ представленія, въ которыхъ, по выраженію автора, содержится „знаніе не о сущности чувствованія, которое не подлежитъ познанію, а объ отношеніяхъ его къ другимъ“ чувствованіямъ. А такъ какъ представленія составляютъ „первоначальный актъ познанія“, которымъ обуславливается вся дальнѣйшая познавательная дѣятельность и такъ какъ они, какъ сказано, состояются изъ объединенія слѣдовъ, являющихся результатомъ

усмотрѣнія душою взаимоотношеній между чувствованіями, или что то же — отдѣльными актами сознанія, то, слѣдовательно, заключаетъ авторъ, „источникомъ для всѣхъ познаній служить сознаніе“, которое доставляетъ не только форму, но и матеріаль для познанія. — Особую функцію въ дѣятельности сознанія составляетъ самосознаніе, которое „даетъ опредѣленный матеріаль для познанія души“ и поэтому имѣетъ существенное значеніе для богопознанія.

Таково содержаніе первой главы. Разсмотрѣнный здѣсь вопросъ, не смотря на его существенное значеніе въ развитіи темы, разработанъ авторомъ слабо и производитъ впечатлѣніе конспективнаго наброска, нуждающагося въ отдѣлкѣ даже съ виѣшней стороны. Особенно неприятно бросается въ глаза неустойчивость терминологіи и вытекающая отсюда неточность опредѣленій. Термины: душа, сознаніе, чувствованія, ощущенія — употребляются такъ, что невольно рождается сомнѣніе въ правильности соединяемыхъ съ ними авторомъ представленій. Зато вопросъ о непреходимости границы между познаніемъ и дѣйствительностью поставленъ авторомъ рѣзко и отчетливо, что потомъ, какъ увидимъ, поставитъ его въ непримиримое противорѣчіе съ самимъ собою.

Разсмотрѣвъ въ первой главѣ вопросъ о сознаніи и самопознаніи вообще, во второй главѣ авторъ говоритъ объ основаніи на самосознаніи богопознанія. Вопросъ этотъ разсматривается путемъ анализа мнѣній Локка, Юма, Аристотеля, св. Григорія Нисскаго, блаж. Августина, Декарта, Лейбница, нѣмецкихъ идеалистовъ школы Канта, т. е. Фихте Старшаго, Шеллинга и Гегеля, и, наконецъ, проф. Несмѣлова. Анализъ этихъ мнѣній сопровождается критическими замѣчаніями, въ общемъ довольно удачными. Обзоръ мнѣній названныхъ мыслителей приводитъ къ сознанію необходимости поставить и спеціально разсмотрѣть вопросъ „объ объективности познанія вообще“, такъ какъ самосознаніе человѣческой личности, взятое само по себѣ, можетъ служить аналогіей лишь для опредѣле-

нія нѣкоторыхъ, и то болѣе формальныхъ, свойствъ и качествъ Божіихъ, но оно не даетъ основанія для признанія самаго факта бытія Божія, какъ объективной реальности. Вотъ почему въ III-й главѣ настоящаго сочиненія, путемъ анализа критической философіи Канта, разсматривается вопросъ объ объективности познанія вообще. Изложивъ въ сжатомъ видѣ соответствующія положенія гносеологіи Канта, авторъ сопровождаетъ ихъ дѣльными, въ существѣ своемъ конечно не новыми, критическими замѣчаніями, въ которыхъ доказываетъ, что если наше мышленіе и не даетъ намъ знанія о вещи въ самой себѣ, то оно несомнѣнно знакомитъ насъ съ тѣми взаимоотношеніями, въ какихъ стоятъ другъ къ другу познаваемые предметы и явленія. Въ этомъ именно смыслѣ возможно и познаніе Бога посредствомъ мышленія, но подъ тѣмъ необходимымъ условіемъ, если бытіе Божіе предварительно будетъ доказано, такъ какъ фактъ бытія Божія путемъ логическаго мышленія доказанъ быть не можетъ.—Къ отысканію такого пути и переходитъ авторъ въ IV главѣ, которая надписывается такъ: „Недостаточность самосознанія для богопознанія и отысканіе другого источника для послѣдняго“. Какъ показываетъ эта надпись, настоящая глава дѣлится на двѣ половины. Въ началѣ дѣлается критическая оцѣнка изложенныхъ во II главѣ „понятій о Богѣ раціоналистовъ и идеалистовъ“ примѣнительно къ установленнымъ въ III гл. гносеологическимъ даннымъ, при чемъ особое вниманіе оказывается Гегелю и проф. Несмѣлову. Постановка вопроса у этихъ философовъ признается неудовлетворительною. Болѣе раціональное рѣшеніе вопроса о бытіи Божіемъ авторъ находитъ у покойнаго проф. В. Д. Кудрявцева, который, какъ думаетъ авторъ, указалъ новый источникъ никбогопознанія, именно—внутреннее чувство или разумъ, но въ своихъ изслѣдованіяхъ этимъ источникомъ онъ не воспользовался и пригодности его для данной цѣли не доказалъ. Это обстоятельство заставляетъ нашего автора самого „отыскать въ сознаніи такой фактъ, который не только давалъ бы познаніе о Богѣ, но и могъ бы

служить основаніемъ для доказательства бытія Бога и Его духовности⁴. Такой фактъ онъ находитъ въ *религіозномъ чувствѣ*. Для разъясненія и обоснованія этой мысли авторъ обращается къ религіозной мистикѣ, въ проявленіи которой отмѣчаетъ двѣ формы: ненормальную, вызываемую патологическими состояніями души, и истинно-христіанскую; первая встрѣчается по преимуществу въ религіяхъ языческихъ и у нѣкоторыхъ христіанскихъ сектантовъ; образцомъ второй служатъ такіе христіанскіе подвижники, какъ Іоаннъ Кассіанъ, Исаакъ Сиріинъ, преп. Макарій Великій, Нилъ Сорскій. Анализомъ выдержекъ изъ сочиненій этихъ подвижниковъ авторъ старается доказать, что истинно-христіанское чувство существенно отличается отъ формъ его проявленія въ болѣзненномъ мистицизмѣ, и что, во вторыхъ, будучи слѣдствіемъ просвѣтленія и возвышенія всѣхъ силъ и способностей души, оно не можетъ быть объяснимо патологическимъ состояніемъ послѣдней, а должно имѣть для себя объективную причину; такую причину можетъ быть только самъ Богъ, непосредственно воздѣйствующій на душу человѣка.

Эта глава, какъ видно изъ ея содержанія, имѣетъ своею цѣлью дать положительное рѣшеніе разсматриваемой проблемы и, слѣдовательно, составляя самую цѣнную часть сочиненія, требуетъ къ себѣ особеннаго вниманія. Чтобы оцѣнить научное значеніе выдвинутой здѣсь точки зрѣнія, необходимо прежде всего вспомнить установленныя раньше положенія гносеологіи. Признавая единственнымъ орудіемъ понятія логическую мысль, и совершенно основательно утверждая, что послѣдняя орудуетъ не живыми предметами и явленіями, а отвлеченными отъ нихъ мертвыми логическими схемами, авторъ утверждаетъ, что наше познаніе по существу своему субъективно, что оно не можетъ дать знанія объективной дѣйствительности въ точномъ смыслѣ этого слова, потому что матеріаломъ для него служитъ сознаніе, т. е. не объективный міръ явленій, а лишь состоянія души, вызываемыя воздѣйствіемъ на нее этого міра. Самое большее,

чего мы можемъ ждать отъ познанія, это только установки аналогіи между результатами познанія и объективнымъ міромъ явленій. Что сказано объ объективномъ мірѣ вообще, то же слѣдуетъ сказать и о познаніи Бога, какъ объективной реальности, о которой мы можемъ судить лишь по аналогіи съ нашимъ личнымъ „я“ и то подѣ тѣмъ условіемъ, если предварительно будетъ доказано, что Богъ реально существуетъ. Выходя изъ такой чисто-раціоналистической гносеологіи и оставаясь послѣдовательнымъ, авторъ, въ сущности, долженъ былъ бы оставить подѣ сомнѣніемъ и бытіе внѣшняго міра явленій; но, цѣною нѣкоторой логической передержки, онъ рѣшилъ этотъ вопросъ въ положительномъ смыслѣ, усумнившись лишь въ бытіи Бога, какъ бы для того, чтобы потомъ дать свое рѣшеніе этого вопроса, ради чего, повидимому, и писалось настоящее сочиненіе. Рѣшаетъ онъ его, какъ сказано было, при помощи религіознаго чувства. Для читателя, понимающаго истинный смыслъ всего сказаннаго, такая постановка вопроса является полною неожиданностью. Дѣло въ томъ, что чувство, какъ бы мы его не называли—идеальнымъ, реальнымъ, религіознымъ—все равно оно никогда не теряетъ своего специфическаго характера, въ силу котораго оно является самымъ субъективнымъ явленіемъ человѣческой души и поэтому оно можетъ знакомить насъ съ ея внутреннимъ состояніемъ, но никоимъ образомъ не съ міромъ явленій, внѣ ея находящимся. Религіозное чувство, какъ и всякое другое, не можетъ быть признано познавательною способностью въ строгомъ смыслѣ уже по тому одному, что ему недостаетъ необходимаго для этого опредѣленнаго содержанія. Религіозное чувство, конечно, не можетъ быть названо совершенно безсодержательнымъ, но свое содержаніе оно получаетъ отъ вѣры. Но тутъ мы встрѣчаемся съ другимъ грубымъ промахомъ автора. Онъ категорически заявляетъ, что „вѣра не является источникомъ религіознаго чувства“ (стр. 180), которое получаетъ свое содержаніе извнѣ независимо отъ вѣры. А если такъ, то что же такое вѣра и какое значеніе она

имѣть въ религіозной жизни человѣка? По опредѣленію автора, вѣра „есть непосредственное *согласіе* души съ извѣстной истиной и, какъ такое, необходимо нуждается въ реальномъ основаніи, а такимъ, очевидно, можетъ быть только религіозное чувство“. Изъ дальнѣйшаго развитія мысли, особенно изъ увѣренія автора, что религіозное чувство, даже сопровождающееся молитвеннымъ обращеніемъ къ Богу, возможно и безъ вѣры въ Бога, показываетъ, что приведенное опредѣленіе вѣры (согласіе... съ истиной) нужно понимать такъ, что вѣра есть пассивное согласіе съ истиной, основанное на довѣрїи къ вѣшнему авторитету. Итакъ, та самая сила души, которая, по апостолу, можетъ горы ворочать, по нашему автору, есть механическое преклоненіе предъ чужимъ авторитетомъ. Нѣтъ, вѣра не есть лишь *согласіе* съ истиной, потому что она не есть пассивная сила души: истинная вѣра есть устремленіе къ Богу всѣхъ силъ души, т. е. мыслей, воли и чувства, и въ этомъ смыслѣ она можетъ быть названа полнотою силъ духа. То рационалистическое направленіе, которое умудрилось вѣру отдѣлить отъ дѣлъ, можетъ опредѣлять ее, какъ „согласіе“ съ истиной; но разумная богословская мысль такое расчлененіе понятій можетъ допускать только діалектически, въ интересахъ формальнаго уясненія истины, а не въ жизненномъ фактѣ. Вѣра, какъ жизненный фактъ, есть активнѣйшая сила души и какъ таковая она является очень сложнымъ актомъ, совмѣщающимъ въ себѣ и мысль, указывающую предметъ вѣры—Бога и волю и чувство, направляющія къ Нему душу и согрѣвающія ее своею теплотою. Вѣра, какъ орудіе постиженія религіозныхъ истинъ, у христіанскихъ мистиковъ называется не чувствомъ, а *созерцаніемъ*, при чемъ актъ созерцанія они нерѣдко ставятъ въ параллель съ познаніемъ вѣшнихъ предметовъ въ актѣ непосредственнаго воспріятія посредствомъ органовъ чувствъ. Эта сторона гносеологїи христіанскихъ мистиковъ уже давно обратила на себя вниманіе нѣкоторыхъ нашихъ мыслителей и вызвала даже попытку реформировать просящуюся на покой ста-

рую гносеологию Канта. Соглашаясь съ тѣмъ, что логической мысли, орудующей мертвыми логическими схемами, доступны лишь законы природы, а не ея живая дѣйствительность или что тоже—вещь въ самой себѣ, наши реформаторы указали на то, что живая дѣйствительность постигается нами путемъ созерцанія въ актѣ непосредственнаго воспріятія посредствомъ органовъ чувствъ, которые и по химическому составу и по геометрическому строенію однородны съ міромъ явленій и поэтому сомнѣваться въ пригодности ихъ для данной цѣли нѣтъ разумнаго основанія. Легко понять, съ какимъ успѣхомъ эта точка зрѣнія можетъ быть примѣнима въ христіанской гносеологіи: вѣру, изъ слѣпцаго довѣрія къ виѣшнему авторитету, она превращаетъ въ живую разумную силу, имѣющую такое же познавательное значеніе въ области духа, какое созерцаніе посредствомъ органовъ чувства имѣетъ въ дѣлѣ познанія матеріальнаго міра явленій. Подобно тому какъ посредствомъ виѣшнихъ органовъ чувствъ мы воспринимаемъ живую дѣйствительность матеріальнаго міра явленій, такъ точно посредствомъ внутренняго воспріятія въ актѣ созерцанія мы постигаемъ живую дѣйствительность духовнаго міра явленій и на челѣ его Самого Бога. Эту точку зрѣнія со всею выпуклостію отиѣтилъ ап. Павелъ, когда засвидѣтельствовалъ, что къ признанію того, что Богъ есть, человѣкъ приходитъ вѣрою. Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ, почему, несмотря на всеобщность среди людей вѣры въ Бога, послѣдняя подвергается сомнѣнію и даже полному отрицанію, какъ только она становится предметомъ анализа логической мысли: это происходитъ потому, что логической мысли живая дѣйствительность недоступна; ей доступны, какъ сказано было, законы дѣйствительной жизни, а не сама эта жизнь, которую мы постигаемъ лишь въ актѣ непосредственнаго воспріятія. Логическая мысль, предоставленная самой себѣ, потому же сомнѣвается въ бытіи Бога, почему она сомнѣвается и въ бытіи объективнаго міра явленій вообще. Чистый

Журавль.

раціоналізмъ, оставався послѣдовательнымъ, долженъ придти къ отрицанію всякаго бытія, не исключая даже и бытія самаго отрицающаго „я“, потому что логическимъ путемъ доказать бытіе послѣдняго нельзя, и Фихте безусловно былъ правъ, когда упрекалъ Канта въ непослѣдовательности, выразившейся въ томъ, что послѣдній, при своемъ ученіи о категоріяхъ какъ апріорныхъ понятійхъ разсудка, признавалъ существованіе объективнаго міра явленій.

Нельзя однако же утверждать, чтобы нашему автору совершенно чужда была только что указанная точка зрѣнія; онъ ее чуѣмъ угадывалъ, но только это чуѣе недоразвилось до яснаго, отчетливаго представленія. Это видно изъ V гл. сочиненія, гдѣ авторъ обѣщаетъ рассмотреть *содержаніе религіознаго чувства*, предупреждая предварительно, что „религіозное чувство очень трудно не только вполне точно опредѣлить, каковому опредѣленію чувства вообще не поддаются, но даже и описать болѣе или менѣе понятно“... Вопреки слѣланному въ первой главѣ увѣренію, что „чувствованія служатъ выраженіемъ душевной жизни“, что это лишь внутреннія состоянія души, которыя послѣдняя „испытываетъ, переживаетъ“ и что, слѣдовательно, они не могутъ быть относимы къ категоріи способностей познавательныхъ, здѣсь авторъ не менѣе рѣшительно религіозное чувство называетъ *основаніемъ богопознанія*: „религіозное чувство, говоритъ онъ, какъ продуктъ непосредственнаго воздѣйствія Бога на душу человѣка, можетъ и должно служить основаніемъ богопознанія, подобно тому, какъ ощущенія внѣшнихъ чувствъ лежатъ въ основѣ познанія внѣшняго чувства“. Изъ сопоставленія религіознаго чувства съ ощущеніями внѣшнихъ чувствъ можно было бы подумать, что авторъ подъ религіознымъ чувствомъ понимаетъ то внутреннее созерцаніе, о которомъ говорятъ христіанскіе мистики и которое можно назвать живою вѣрою. Въ дѣйствительности же авторъ далекъ отъ такой точки зрѣнія: „то, говоритъ онъ, что Спяноза называетъ интеллектуальною любовью къ Богу, т. е. удовлетвореніе,

получаемое отъ созерцанія и познаванія абсолютной субстанции, или вселенной, относится, во всякомъ случаѣ къ области чувствъ интеллектуальныхъ, а не къ религіозному чувству, съ которымъ указанное удовлетвореніе ничего общаго не имѣетъ“. Но если религіозное чувство не есть созерцаніе, если вообще оно не относится къ области чувствъ интеллектуальныхъ, то какимъ же образомъ оно можетъ быть признано основаніемъ богопознанія? Такъ какъ познавательная способность непременно предполагаетъ присутствіе активнаго элемента, то, исключая религіозное чувство изъ категоріи чувствъ интеллектуальныхъ, нельзя понимать его въ смыслѣ неяснаго, неопредѣленнаго стремленія души къ Богу. Оказывается, что нельзя. „Душѣ человеческой, говоритъ авторъ, присуща потребность стремиться къ общенію съ Абсолютнымъ Существомъ; но эта потребность ни въ какомъ случаѣ не могла бы создать увѣренности въ реальномъ бытіи такого существа, ни тѣмъ болѣе дать понятіе о Немъ, если-бы Оно Своимъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ на человѣка, идущимъ на встрѣчу указанной потребности, не вызвало въ душѣ человѣка религіознаго чувства“. Выходитъ, такимъ образомъ, что душа можетъ стремиться къ Богу, не имѣя увѣренности въ Его бытіи: такую увѣренность доставляетъ религіозное чувство, которое, по словамъ автора, „служитъ выраженіемъ непосредственнаго жизненнаго общенія самой души, какъ опредѣленнаго существа, съ высшимъ Существомъ“, или какъ выражается авторъ въ другомъ мѣстѣ: „религіозное чувство есть переживаніе непосредственнаго соприкосновенія съ верховнымъ Существомъ“. Послѣ того, какъ авторъ выдѣлялъ изъ понятія „религіозное чувство“ понятія вѣры и созерцанія, является крайне загадочнымъ, какъ понимаетъ онъ способъ непосредственнаго соприкосновенія души съ Богомъ и какое именно познаніе о Богѣ даетъ это соприкосновеніе? Изъ хода мыслей во всемъ сочиненіи видно, что въ этомъ вопросѣ и заключается сущность той проблемы, для разрѣшенія которой писалось самое сочиненіе. Итакъ, какъ же рѣшается въ сочиненіи

эта проблема? Очень просто: „Изъ возможности для человѣка вступить въ непосредственное общеніе съ Богомъ, каковое общеніе выражается въ религіозномъ чувствѣ, слѣдуетъ, говоритъ авторъ, что человѣкъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ подобенъ Богу“. Установивъ фактъ подобія, авторъ уже считаетъ себя въ правѣ, опираясь на самосознаніе, раскрывать свойства и качества Божія по аналогіи съ человѣкомъ, называя этотъ приемъ „анализомъ религіознаго чувства“. Сущность этого анализа состоитъ въ слѣдующемъ. Послѣ нѣкоторыхъ общихъ разсужденій, которыя для читателя, привыкшаго смотрѣть на вещи просто и прямо, кажутся ненужнымъ слово—изверженіемъ, авторъ выдвигаетъ положеніе, что „въ основѣ всѣхъ чувствованій, которыя испытываетъ человѣкъ при взаимоотноеніи съ другими существами, лежатъ двѣ великія нравственныя силы—любовь и ненависть“. Помня раньше сдѣланное обѣщаніе судить о Богѣ по аналогіи съ человѣкомъ, читатель ждетъ, что авторъ опредѣлитъ Бога, какъ существо любящее и ненавидящее; но на дѣлѣ выходитъ не такъ: ненависть почему-то, безъ всякихъ оговорокъ, замалчивается, а выдвигается одна любовь, которая трактуется какъ „необходимый элементъ въ религіозномъ чувствѣ“; а затѣмъ, послѣ нѣкоторыхъ, мало относящихся къ дѣлу разсужденій, авторъ приходитъ къ заключенію, что Богъ есть любовь, воображая, что эту истину онъ добылъ путемъ анализа религіознаго чувства. На серьезно мыслящаго читателя всѣ эти разсужденія производятъ впечатлѣніе упражненія не зрѣлаго школьника, который, царящій въ головѣ туманъ мысли, старается прикрыть наборомъ не менѣе туманныхъ фразъ. Въ самомъ дѣлѣ, г. Гумилевскій пишетъ философское изслѣдованіе по гносеологіи. Предполагается, что къ искомой истинѣ онъ долженъ идти путемъ свободнаго, широкаго, всесторонняго обслѣдованія вопроса. Въ частности, раскрывая содержаніе религіознаго чувства, онъ долженъ былъ имѣть дѣло не съ чувствомъ какой-нибудь отдѣльной группы лицъ, а съ религіознымъ чувствомъ всѣхъ людей, какъ оно проявилось въ исторіи. Спра-

живается: можно-ли, оставаясь на почвѣ такого широкаго, объективнаго изслѣдованія, утверждать, что любовь есть необходимый и основной элементъ религіознаго чувства? Вѣдь даже въ христіанствѣ, гдѣ любовь поставлена руководящимъ началомъ жизни, она дана какъ внѣшняя заповѣдь, при чемъ она противопоставляется эгоизму, который, съ момента грѣхопаденія, сталъ преобладающей стихіей въ нравственной жизни естественнаго человѣка. А между тѣмъ христіанство, какъ историческій фактъ, есть явленіе сравнительно недавнее, и въ настоящее время среди полтора милліарднаго населенія земнаго шара поклонниковъ религіи любви сравнительно немного, не говоря уже о томъ, что и среди христіанъ любовь утверждается при помощи вѣры и сверхъестественной благодати. По прямому свидѣтельству Апостола, безъ вѣры не возможно угодить Богу. Угодить Богу это значитъ исполнить первую и наибольшую Его заповѣдь, т. е. заповѣдь любви, а этого по словамъ Апостола, не возможно достигнуть безъ вѣры. И это понятно: чтобы полюбить Бога, необходимо раньше Его опознать, а этого по словамъ Апостола, можно достигнуть только посредствомъ вѣры: *въровати же подобаетъ приходящиму къ Богу, яко есть, и взыскающимъ Его издвоздатель бываєтъ*. Нашъ же авторъ держится совершенно противоположнаго мнѣнія, какъ это видно изъ раньше констатированнаго его взгляда на взаимное отношеніе между вѣрою и религіознымъ чувствомъ. Вообще нужно сказать, что общаніе автора дать понятіе о Богѣ путемъ анализа религіознаго чувства сводится къ перечню нѣкоторыхъ свойствъ Божіихъ, заимствованныхъ изъ христіанскаго кетехизиса и сопровождаемыхъ не высокаго достоинства собственными разсужденіями. Читая эти разсужденія, сожалѣешь, что авторъ не вспомнилъ того мѣста своего сочиненія, гдѣ онъ, вмѣстѣ съ Кантомъ, доказывалъ несостоятельность доказательствъ бытія Божія, обличая ихъ авторовъ въ паралогизмахъ.

Изъ этого общаго обзора содержанія настоящаго сочиненія и сдѣланныхъ попутно критическихъ замѣчаній видно, что

трудъ г. Гумилевскаго можно раздѣлить на двѣ половины: первая половина представляетъ сжатый историко критическій обзоръ важнѣйшихъ теорій по основнымъ гносеологическимъ вопросамъ въ ихъ примѣненіи къ вопросу о Богопознаніи; вторая, обнимающая конецъ IV главы и всю V главу, представляетъ попытку дать положительное рѣшеніе вопроса о богопознаніи. Первая половина въ общемъ можетъ быть названа удовлетворительною. Слабую сторону этой половины составляютъ: встрѣчающаяся по мѣстамъ неточность въ опредѣленіяхъ при сжатости изложенія и неполнота научнаго матеріала. Направленіе, на примѣръ, религіозно-философской мысли, основателемъ котораго считается голландецъ Гемстергюи, авторомъ почти не затронуто; а между тѣмъ представители этого направленія стоятъ приблизительно на той-же точкѣ зрѣнія, которой придерживается и нашъ авторъ. Что же касается второй половины сочиненія, составляющей существенную ея часть, то, какъ видно изъ сдѣланныхъ въ своемъ мѣстѣ замѣчаній, она должна быть признана совершенно слабою. Недостатокъ ея составляетъ несостоятельность основной точки отправленія. Несостоятельность точки отправленія положила печать на весь ходъ изслѣдованія въ этой половинѣ, которая и съ вѣшной стороны не можетъ считаться вполне обработанною. Вообще же трудъ г. Гумилевскаго производитъ впечатлѣніе работы незрѣлой, мало продуманной и въ литературномъ отношеніи слабо обработанной, хотя и не лишенной нѣкоторыхъ достоинствъ“.

Постановили: Соглашаясь съ мнѣніемъ рецензентовъ, признать указанное сочиненіе г. Гумилевскаго недостаточнымъ для магистерской степени, о чемъ и увѣдомить его.

VII. Прошеніе бібліотекаря Киевской Духовной Академіи Аверосія Крыловскаго, отъ 20 ноября сего года: „Представляя при семъ свое сочиненіе — „Львовское Ставропигіальное Братство“ (Опытъ церковно-историческаго изслѣдованія). Кіевъ,

1904“, въ количествѣ шестидесяти экземпляровъ, покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи принять его въ качествѣ магистерской диссертациі“.

Справка: А. Крыловскій окончилъ курсъ Кіевской Академіи въ іюнѣ 1886 года со степенью кандидата богословія. Въ кандидатскомъ дипломѣ успѣхи его въ наукахъ академическаго курса отмѣчены баллами отличными и очень хорошими, кромѣ догматическаго богословія и исторіи философіи, по которымъ успѣхи отмѣчены балломъ 3.

Постановили: Предоставить г. Крыловскому для получения магистерской степени держать дополнительное испытаніе по догматическому богословію и исторіи философіи, послѣ чего имѣть сужденіе о самомъ сочиненіи его.

VIII. Прошеніе помощника смотрителя Маріупольскаго духовнаго училища, кандидата богословія Миканла Скабаллановича, отъ 30 ноября сего года: „Представляя при семъ 60 экземпляровъ печатнаго сочиненія своего: „Первая глава книги пророка Іезекіиля. Опытъ изъясненія. Маріуполь 1904 г.“, исправленнаго согласно указаніямя г. рецензентовъ, сдѣланныхъ въ ихъ отзывяхъ объ этомъ сочиненіи въ его рукописномъ видѣ, покорнѣйше прошу принять его въ качествѣ диссертациі на соисканіе степени магистра богословія и дать дѣлу дальнѣйшее движеніе“.

Постановили: Сочиненіе М. Скабаллановича передать на разсмотрѣніе доценту священнику А. Глаголеву, съ предоставленіемъ Ректору Академіи назначить другого рецензента по своему усмотрѣнію.

IX. Донесенія:

а) Преосвященнаго Ректора Академіи, Епископа Платона: „Разсмотрѣвъ программы чтеній на 1904—1905 учебный годъ

по гомилетикѣ съ исторією проповѣдничества, по логикѣ и метафизикѣ, по догматическому богословію, по теоріи словесности и исторіи иностранныхъ литературъ, по новой общей гражданской исторіи и по греческому языку, нахожу ихъ отвѣчающими научнымъ требованіямъ и соотвѣтствующими требованіямъ Устава Духовныхъ Академій“.

б) Заслуженнаго ординарнаго профессора В. Пѣвницкаго и заслуженнаго экстраординарнаго профессора протоіерея І. Королькова: „Разсмотрѣвъ по порученію Совѣта, программы чтеній на настоящій 1904—5 учебный годъ: 1) по еврейскому языку и библейской археологіи, 2) по латинскому языку и его словесности, 3) по нѣмецкому языку, 4) по французскому языку, 5) по англійскому языку, 6) по русскому языку и словесности, мы нашли ихъ удовлетворяющими научнымъ требованіямъ“.

в) Заслуженныхъ ординарныхъ профессоровъ Н. Петрова и А. Розова: „Разсмотрѣвъ, по порученію Совѣта Киевской Духовной Академіи, программы чтеній въ 1904—5 учебномъ году по библейской исторіи, древней общей гражданской исторіи, русской гражданской исторіи, общей церковной исторіи, исторіи русской церкви, исторіи и разбору западныхъ исповѣданій, исторіи русскаго раскола, по церковному праву, церковной археологіи и литургикѣ, честь имѣемъ довести Совѣту, что эти программы, по нашему мнѣнію, соотвѣтствуютъ характеру академическаго преподаванія“.

г) И. о. инспектора заслуженнаго экстраординарнаго профессора М. Ястребова и заслуженнаго ординарнаго профессора П. Линицкаго: „Честь имѣемъ довести до свѣдѣнія Совѣта Академіи, что разсмотрѣнныя нами программы по введенію въ кругъ богословскихъ наукъ, по священному писанію ветхаго и новаго завѣта, по нравственному богословію, по патристикѣ, по пастырскому богословію и педагогикѣ, по психологіи и по исторіи философіи соотвѣтствуютъ требованіямъ академическаго Устава и современному состоянію науки“.

Постановили: Программы наставниковъ Академіи по преподаваемымъ ими наукамъ, одобренныя Ректоромъ Академіи и комиссіями, утвердить.

Х. Донесеніе комиссіи по изданію собранныхъ профессоромъ священникомъ Ѳ. Титовымъ „Памятниковъ православія и русской народности въ Западной Россіи въ XVII и XVIII вѣкахъ“ — изъ профессоровъ протоіерея І. Королькова, К. Попова и А. Дмитріевскаго, отъ 13 сего декабря: „Комиссія, назначенная Совѣтомъ Академіи для наблюденія за печатаніемъ собранныхъ профессоромъ о. Ѳ. И. Титовымъ „Памятниковъ православія и русской народности въ Западной Россіи въ XVII—XVIII вв.“ имѣетъ честь донести Совѣту Академіи, что І томы означенныхъ памятниковъ нынѣ отпечатаны въ трехъ книгахъ подъ общимъ названіемъ „Акты по исторіи заграничныхъ монастырей Кіевской епархіи въ XVII—XVIII вв.“ и что на изданіе ихъ произведены слѣдующія издержки изъ суммы (6000 руб.), отпущенной на этотъ предметъ Св. Синодомъ.

Уплатено: 1) *за типографскія работы:*

а) за 10 $\frac{1}{4}$ л. предисловія и изслѣдованія (о заграничныхъ монастыряхъ), напечатанныхъ въ 1 части, по 9 рублей за листъ	92 р. 25 к.
б) за 2 $\frac{1}{8}$ л. оглавленія и опечатокъ въ 1 части по 9 р. съ листа	19 р. 13 к.
в) за 2 $\frac{1}{8}$ л. оглавленія и опечатокъ въ 2 ч. по 9 р.	19 р. 13 к.
г) за 2 $\frac{1}{8}$ л. оглавленія и опечатокъ въ 3 ч. по 9 р.	19 р. 13 к.
д) за 33 $\frac{1}{8}$ л. документовъ въ 1 ч. по 10 р. за листъ	331 р. 25 к.
е) за 38 $\frac{1}{8}$ л. документовъ въ 2 ч. по 10 р. за листъ	381 р. 25 к.

ж) за 39 ⁷ / ₈ л. документовъ въ 3 ч. по 10 р.	
за листъ	398 р. 75 к.
з) за 6 ³ / ₄ л. алфавитнаго указателя (въ 3 ч.)	
по 9 р.	56 р. 25 к.
и) за 3 обложки по 1 р. 50 к. за каждую	4 р. 50 к.
і) за гравировку, бумагу и печатаніе карты	90 р. —
к) за гравировку, бумагу и печатаніе 6 картъ	120 р. —
л) за брошюровку трехъ частей по 25 р.	
за каждую	75 р. —
м) за коленкорový переплеть съ чернымъ	
тисненіемъ 10 экз. каждой части	22 р. 50 к.
н) за коленкорový переплеть съ золотымъ	
тисненіемъ 5 книгъ первой части	18 р. 75 к.
Итого за типографскимъ работы уплачено .	1647 р. 89 к.

2) за бумагу:

На напечатаніе трехъ книгъ 1 тома въ 530	
экз. куплено бумаги: а) газетной 144 ст., по 4 р.	
10 к. стопа, на	590 р. 40 к.
б) веленовой 9 ¹ / ₂ стопъ по 10 р. за стопу .	95 р. —
„ 5 стопъ по 9 р. 60 к.	48 р. —
в) альбомной 1 ст. 3 дести по 7 р. стопа	8 р. 5 к.
Итого .	741 р. 45 к.

Такимъ образомъ на изданіе 1 тома въ трехъ частяхъ израсходовано 2389 р. 34 к.

Къ означенному исчисленію расходовъ по изданію трехъ частей перваго тома коммиссія считаетъ необходимыми слѣдующія поясненія:

1) Расходованіе бумаги такимъ образомъ произведено. Въ трехъ частяхъ 1 тома содержится 134 листа. Изъ 530 экземпляровъ 480 отпечатаны на газетной бумагѣ; на отпечатаніе каждого листа употреблено 480 листовъ или 1 стопа (изъ 500

листовъ каждой стопы отчислялось по 20 листовъ на корректуру и бракъ), а на отпечатаніе 134 листовъ—134 стопы; остающіяся (изъ 144 стопъ) 10 стопъ находятся въ типографіи. 50 экз. отпечатано на веленовой бумагѣ; на отпечатаніе 1-го листа употреблено 50 листовъ бумаги, а на 134 л.—6700 л.+20 л. на бракъ или 14 стопъ; осталось неизрасходованной бумаги $\frac{1}{2}$ стопы.

2) По предварительной представленной въ Правленіе Академіи въ октябрѣ 1900 г. смѣтѣ расходовъ по изданію 1 тома памятниковъ предположено было уплатить о. Титову за корректуру по 3 р. за печатный листъ и за переписку документовъ по 4 р. за печатный листъ, а всего за 134 л. 938 р. Но о. Титовъ отъ такого вознагражденія отказался.

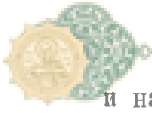
3) Въ дѣлѣ объ изданіи собранныхъ о. Титовымъ актовъ говорится объ изданіи ихъ въ 500 экз. Но само собою разумѣется, что для того, чтобы представить полностью означенное число экземпляровъ, необходимо увеличить это число на доставку книгъ въ цензуру и неизбежную порчу при брошюровкѣ и под. Поэтому 1 томъ отпечатанъ въ 530 экз.

4) Комиссія, обсуждавшая вопросъ о значимости собранныхъ о. Титовымъ актовъ, о размѣрахъ и денежной стоимости изданія ихъ (см. извлеч. изъ протоколовъ, 1899—1900 г., стр. 336—338) предполагала издать ихъ въ 6 томахъ, могущихъ содержать въ себѣ около 280 листовъ (въ среднемъ $46\frac{2}{3}$ л. въ каждомъ томѣ), но допускала возможность увеличенія матеріала (а слѣдовательно и листовъ) при детальной разработкѣ. Такое увеличеніе матеріала пало на изданный 1 томъ въ 3 книгахъ, заключающихъ въ себѣ 134 листа (въ среднемъ по $44\frac{1}{2}$ л. въ каждой книгѣ). Но это обстоятельство не можетъ значительно вліять на предположенное общее число листовъ (ок. 280) всего изданія въ 6 томахъ, такъ какъ въ каждомъ изъ послѣдующихъ томовъ будетъ заключаться (въ среднемъ) около 30—35 печатныхъ листовъ. По мнѣнію комиссіи увеличеніе матеріала можетъ

простирается до 30 листов сравнительно съ предположенными 280 листами.

5) По израсходованіи 2389 р. 34 коп. изъ отпущенныхъ Св. Синодомъ 6000 р. получается остатокъ въ 3610 р. 66 к., 10 стопъ газетной и $\frac{1}{2}$ стопы веленовой бумаги. Комиссія полагаетъ, что этихъ денегъ достанетъ на изданіе остальныхъ томовъ Памятниковъ.

Высокія научныя качества изданнаго проф. о. Ѳ. И. Титовымъ 1 тома Памятниковъ православія и русской народности побуждаетъ комиссію выразить живѣйшее желаніе относительно продолженія печатанія этого замѣчательнаго предпріятія, отличающагося широтою задачи и талантливымъ ученымъ выполненіемъ ея. Въ самомъ дѣлѣ. Исторія православія и русской народности въ Западной Россіи въ XVII—XVIII вв. совершенно не разработана. О. Титовъ поставилъ для себя задачу разыскать въ русскихъ и иностранныхъ архивахъ и бібліотекахъ документы, относящіеся къ православію и русской народности въ западной Россіи въ означенное время, изучить ихъ, издать главнѣйшіе и на изслѣдованіи ихъ возсоздать истинную, основанную на документахъ, исторію борьбы западной Россіи за вѣру и народность въ XVII—XVIII в.в. и тѣмъ расчистить путь и дать богатый матеріалъ для ученыхъ, пожелающихъ трудиться на этомъ пути. Симпатичная великая и многоплодотворная по своимъ послѣдствіямъ задача! Прекраснымъ началомъ выполненія ея служить изданный въ трехъ книгахъ 1 томъ актовъ по исторіи иностранныхъ монастырей Кіевской епархіи XVII—XVIII вв. съ обширнымъ изслѣдованіемъ и картою Западной Россіи, составленною весьма подробно и обстоятельно. Настоящій томъ Памятниковъ, заключающій въ себѣ 746 актовъ по исторіи иностранныхъ монастырей Кіевской епархіи, содержитъ самые разнообразныя матеріалы: одни изъ нихъ говорятъ о происхожденіи и началѣ монастырей, другіе о вѣдѣи ихъ судьбѣ, иные о внутреннемъ ихъ устройствѣ, иные о значеніи монастырей и участіи ихъ въ борьбѣ Западной Россіи за вѣру

и народность, иные о церковныхъ братствахъ, находившихся при монастыряхъ, другіе содержатъ въ себѣ описаніе книжныхъ собраній, существовавшихъ въ обителяхъ, иные о земельныхъ владѣніяхъ монастырей и т. п. Означенные акты изданы въ хронологическомъ порядкѣ, снабжены подробнымъ оглавленіемъ, а въ концѣ 3 части приложенъ указатель личный, географическій и предметный для всѣхъ трехъ частей первого тома.

Многоразличное содержаніе актовъ изслѣдуется въ обширномъ введеніи, которое о. Титовъ справедливо назвалъ изслѣдованіемъ; въ немъ авторъ съ обширной эрудиціей и ученою опытностію уясняетъ вопросы о границахъ Киевской епархіи, объ устройствѣ и бытѣ заграничныхъ монастырей, ихъ управленіи, служебной администраціи, о церковныхъ братствахъ, о передачѣ заграничныхъ монастырей въ вѣдѣніе Бѣлорусскихъ епископовъ, о заграничныхъ протопопѣяхъ и приходскихъ церквахъ Киевской епархіи XVII—XVIII вв., о варшавскихъ капелланіяхъ и варшавскихъ капелланахъ.

Вообще изслѣдованіе о. Титова о заграничныхъ монастыряхъ можно назвать превосходною ученою диссертациею, въ которой авторъ опытною и искусною рукою ученаго изслѣдователя начертываетъ новыя прекрасныя страницы исторіи православія и русской народности въ западной Россіи въ XVII—XVIII вв. Авторъ могъ бы, еслибы того пожелалъ, представить настоящій свой трудъ на соисканіе степени доктора церковной исторіи.

Присужденіе автору высшей ученой степени, хотя отчасти, вознаградило бы его за вполне безкорыстное и самоотверженное отношеніе его къ порученному ему дѣлу.

Справка: Указомъ Св. Синода отъ 27 августа 1900 года за № 5438 Совѣту Академіи поручено, по напечатаніи каждого тома „Памятниковъ“, доставлять въ Хозяйственное Управление подробный расчетъ издержекъ для назначенія цѣпы на это изданіе, а равно соображенія о числѣ экземпляровъ, подлежащихъ передачѣ

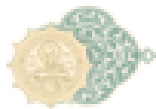
въ распоряженіе автора изданія и высылкѣ въ Хозяйственное Управленіе.

Постановили: Донесеніе комиссіи принять къ свѣдѣнію. Отчетъ объ издержкахъ по изданію напечатаннаго перваго тома „Памятниковъ“ препроводить въ Хозяйственное Управленіе при Святѣйшемъ Синодѣ съ сообщеніемъ, что Совѣтъ Академіи находилъ бы возможнымъ передать въ распоряженіе проф. свящ. Ѳ. Титова изъ 500 экземпляровъ „Памятниковъ“ 100 экземпляровъ.

XI. Прошеніе экстраординарнаго профессора Академіи, священника Оеодора Титова, отъ 12 сентября: „Узнавъ отъ членовъ комиссіи, наблюдавшей за печатаніемъ собранныхъ мною церковно-историческихъ актовъ и разсматривавшей первый печатный томъ сихъ актовъ, что они признали возможнымъ присудить мнѣ за нихъ степень доктора церковной исторіи, я, съ своей стороны, покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи принять первый томъ, въ трехъ частяхъ, напечатанныхъ мною „Памятниковъ православія и русской народности въ Западной Россіи въ XVII—XVIII в. в.“, содержащій въ себѣ „изслѣдованіе о заграничныхъ монастыряхъ Кіевской епархіи XVII—XVIII в. в.“, съ приложеніемъ актовъ, для разсмотрѣнія въ качествѣ диссертациі на степень доктора церковной исторіи“.

Постановили: Поименованное сочиненіе проф. свящ. Ѳ. Титова передать на разсмотрѣніе заслуженному ординарному профессору С. Голубеву, съ предоставленіемъ Ректору Академіи назначить другого рецензента по своему усмотрѣнію.

XII. Прошеніе экстраординарнаго профессора, свящ. Ѳ. Титова, отъ 7 декабря: „Покорнѣйше прошу Совѣтъ Академіи разрѣшить мнѣ приступить къ печатанію втораго тома „Памятниковъ православія и русской народности въ Западной Россіи въ XVII—XVIII в. в.“ на отпущенныя Св. Синодомъ, по ходатайству Совѣта, деньги.“

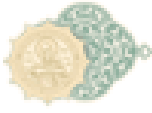

Во второмъ томѣ „Памятниковъ православія и русской народности въ Западной Россіи въ XVII—XVIII в. в.“, имѣютъ войти акты, относящіеся къ слѣдующимъ важнымъ событіямъ въ исторіи западно-русской церкви въ XVII—XVIII в. в.: а) приготовленіямъ къ заключенію и самому заключенію договора о вѣчномъ мирѣ между Россіей и Польшей въ 1686 г.; б) защитѣ русскимъ правительствомъ западно-русскаго народа, подвергавшагося особенно сильному гоненію въ Польшѣ во второй половинѣ XVII в. и въ первой четверти XVIII в.; в) насильственному превращенію на унію трехъ православныхъ западно-русскихъ епархій: перемышльской, галицко-львовской и луцкой; г) дѣятельности правительства Императора Петра I въ защиту западно-русскаго православнаго народа; д) учрежденію должности русскаго комиссара въ Польшѣ для наблюденія за тѣмъ, чтобы православныхъ жителей ея не притѣсняли въ вѣрѣ и др.

Ко второму тому „Памятниковъ“ имѣютъ быть приложены: предисловіе, карта З. Руси въ XVII—XVIII в. в. съ нагляднымъ показаніемъ православныхъ монастырей и церквей, превращенныхъ на унію въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII в. и указателями—именнымъ, географическимъ и предметнымъ, а если позволятъ средства, то и съ рисунками нѣкоторыхъ православно-русскихъ памятниковъ въ видѣ монастырей, храмовъ и. т. п.“.

Постановили: Поручить комиссіи изъ профессоръ—протоіерея І. Королькова, К. Попова и А. Дмитріевскаго наблюденіе за печатаніемъ второго тома собранныхъ профессоромъ свящ. О. Титовымъ „Памятниковъ православія и русской народности въ Западной Россіи въ XVII—XVIII в. в.“; затѣмъ финансовую сторону дѣла по изданію сихъ „Памятниковъ“ передать въ Правленіе Академіи.

XIII. Письмо настоятеля Русской посольской церкви въ Берлинѣ протоіерея А. П. Мальцева, отъ 7 сего декабря, на

имя Преосвященнаго Ректора: „Получивъ увѣдомленіе Вашего Преосвященства отъ 22 ноября зъ № 2008-мъ о высокой чести избранія меня Совѣтомъ Кіевской Духовной Академіи отъ 12 октября с. г. почетнымъ членомъ и послѣдовавшимъ отъ 15 ноября за № 11469-мъ утвержденіи меня въ семъ званіи Святѣйшимъ Синодомъ, долгомъ своимъ почитаю принести Вамъ и высокочтимому Совѣту старѣйшаго и славнаго разсудника высшего духовнаго образованія мою искреннюю и глубокую благодарность! Состоя съ 1898 г. въ званіи почетнаго члена Казанской Духовной Академіи, съ 1902 моей alma mater С.-Петербургской и съ 1903 г.—Московской, я имѣю нынѣ особое чувство радости въ сознаніи духовнаго единенія съ самою „колыбелью“ нашего отечественнаго просвѣщенія, восходящаго своею давностію къ самому началу XVII столѣтія.

Преклоняясь мыслию и сердцемъ предъ великими духовными подвигами какъ приснопамятнаго первооснователя и устроителя Кіево-Могилянської Коллегіи, такъ и послѣдующихъ незабвенныхъ продолжателей завѣтнаго его дѣла, между коими нѣкоторые сіяютъ уже и небесною славою, какъ святители Димитрій Ростовскій, Иннокентій Иркутскій и Ѳеодосій Черниговскій, я отъ всей души желаю я дальнѣйшаго процвѣтанія отнынѣ близкому и родному святилищу богословской науки, вѣрной завѣтамъ и предапіямъ ея великихъ учителей! Да изыдетъ во всю землю вѣщаніе ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ, и да сіяетъ и свѣтитъ дорогая Академія немерцающимъ свѣтомъ истиннаго богопознанія для всѣхъ грядущихъ поколѣній“.

„P. S. Одновременно съ настоящимъ письмомъ, я позволилъ себѣ препроводить на Ваше имя въ даръ академической бібліотеки 12 томовъ моихъ переводовъ на нѣмецкій языкъ церковно-богослужебныхъ книгъ“.

Постановили: Принять къ свѣдѣнію. По полученія пожертвованныхъ прот. А. П. Мальцевымъ для академической

библиотеки книгъ увѣдомить его съ выраженіемъ глубокой благодарности.

XIV. Отношеніе Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества отъ 17 ноября сего года за № 1548: „Императорское Московское Археологическое Общество, препровождая при семь правила XIII Археологическаго съѣзда, созываемаго въ Екатеринославѣ, съ 15 по 27 августа 1905 года, покорнѣйше просить Академію принять участіе въ занятіяхъ сего съѣзда, командировать въ Екатеринославъ на съѣздъ своихъ представителей, извѣстить Московское Археологическое Общество о числѣ командируемыхъ лицъ и просить послѣднихъ прислать свои заявленія въ Общество и пожаловать въ Екатеринославъ къ 14 августа 1905 года, т. е. ко дню открытія дѣятельности Совѣта съѣзда“.

Постановили: Представителями отъ Академіи на XIII Археологическій съѣздъ командировать заслуж. орд. профессора Н. Петрова и орд. проф. В. Завитневича, о чемъ сообщить Московскому Археологическому Обществу. На путевые же и иные необходимые расходы по поѣздкѣ въ Екатеринославъ назначить каждому изъ командируемыхъ лицъ по 50 рублей изъ имѣющей быть ассигнованной по смѣтѣ 1905 года на расходы по усмотрѣнію Совѣта Академіи суммы.

XV. Внесенную въ Совѣтъ Академіи Ректоромъ ея вѣдомость о числѣ лекцій, оуцещенныхъ наставниками Академіи

въ октябрѣ 1904 года:

А) по болѣзни: а) по догматическому богословію и.о. инспектора Академіи заслуженнымъ экстраординарнымъ профессоромъ М. Истревымъ 7 л. (6, 7, 11, 13, 14, 15 и 27 ч.); по логикѣ и метафизикѣ заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ П. Линидкинымъ 3 л. (27 и 30 ч.); в) по русскому и церковно-

Журнали.

14

славянскому языку и исторіи русской литературы заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ В. Малининымъ 2 л. (26 ч.); г) по патристикѣ заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ К. Поповымъ 1 л. (13 ч.); д) по русской гражданской исторіи ординарнымъ профессоромъ В. Завитневичемъ 1 л. (30 ч.); е) по священному писанію новаго завѣта экстраординарнымъ профессоромъ Д. Богдашевскимъ 1 л. (13 ч.); ж) по педагогикѣ экстраординарнымъ профессоромъ Н. Маккавейскимъ 8 л. (2, 4, 7, 9, 14, 18, 21 и 30 ч.) и з) по древней общей гражданской исторіи доцентомъ Н. Мухинымъ 3 л. (4, 6 и 27 ч.); Б) по домашнимъ обстоятельствамъ: по общей церковной исторіи заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ С. Голубевымъ 3 л. (13, 20 и 28 ч.); б) по исторіи и обличенію русскаго раскола заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ С. Голубевымъ 5 л. (15, 16, 18 и 22 ч.) и в) по французскому языку лекторомъ К. Регаме 4 л. (14 и 28 ч.); В) по исполненію обязанностей присяжнаго заสђдателя въ окружномъ судѣ: а) по общей церковной исторіи заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ С. Голубевымъ 2 л. (6 и 7 ч.); б) по исторіи и обличенію русскаго раскола заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ С. Голубевымъ 4 л. (4, 8 и 9 ч.); Г) по нахожденію въ отпускѣ: а) по греческому языку заслуженнымъ экстраординарнымъ профессоромъ протоіереемъ І. Корольковымъ 10 л. (7, 12, 14, 26 и 28 ч.); б) по священному писанію новаго завѣта экстраординарнымъ профессоромъ Д. Богдашевскимъ 3 л. (2, 6 и 8 ч.)“;

въ ноябрѣ 1904 года:

„А) по болѣзни: а) по догматическому богословію и. о. инспектора Академіи заслуженнымъ экстраординарнымъ профессоромъ М. Ястребовымъ 12 л. (3, 11, 12, 15, 17, 18, 19, 22, 24, 25, 26 и 29 ч.); б) по исторіи и обличенію русскаго раскола заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ С. Голубевымъ 9 л.

(б, 12, 13 и 22 ч.); в) по общей церковной исторіи заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ С. Голубевымъ 2 л. (10 и 11 ч.); г) по русскому языку и исторіи русской литературы заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ В. Малининымъ 2 л. (30 ч.); д) по русской гражданской исторіи ординарнымъ профессоромъ В. Завитневичемъ 2 л. (1 и 2 ч.); е) по греческому языку заслуженнымъ экстраординарнымъ профессоромъ протоіереемъ І. Корольковымъ 2 л. (30 ч.); ж) по психологіи заслуженнымъ экстраординарнымъ профессоромъ М. Олесницькимъ 3 л. (9, 11 и 13 ч.); з) по библейской исторіи заслуженнымъ экстраординарнымъ профессоромъ Ѳ. Покровскимъ 1 л. (6 ч.); и) по педагогикѣ экстраординарнымъ профессоромъ Н. Маккавейскимъ 6 л. (6, 12, 22, 25, 27 и 29 ч.); і) по пастырскому богословію экстраординарнымъ профессоромъ Н. Маккавейскимъ 3 л. (9, 23 и 30 ч.); к) по французскому языку лекторомъ К. Регаме 4 л. (15 и 18 ч.); Б) по нахожденію въ отпускѣ: по греческому языку заслуженнымъ экстраординарнымъ профессоромъ протоіереемъ І. Корольковымъ 4 л. (2 и 9 ч.); В) по вызову въ окружной судъ въ качествѣ свидѣтеля—по гомалетикѣ заслуженнымъ ординарнымъ профессоромъ В. Швницкимъ 1 л. (18 ч.)“.

Постановили: Записать въ протоколъ настоящаго собранія для напечатанія въ академическомъ журналѣ, на основаніи VIII пункта Высочайше утвержденныхъ дисциплинарныхъ правилъ для высшихъ учебныхъ заведеній.

XVI. Докладъ секретаря Совѣта: „По 5 § Положенія о первой юбилейной преміи имени митрополита Московскаго Макарія, Совѣтъ Академіи ежегодно въ декабрьскомъ засѣданіи назначаетъ задачи къ разрѣшенію, которыя и приводятся въ общую извѣстность чрезъ объявленіе въ періодическомъ изданіи Академіи.“

Постановили: Для сочиненій на соисканіе первой юбилейной преміи имени митрополита Московскаго Макарія назначить темы: 1) „Святитель Димитрій Ростовскій и его Четьи-Минеи со стороны ихъ источниковъ“; 2) „Слова и бесѣды Фотія, патріарха Константинопольскаго“; 3) „Евхологіонъ Гоара (критико-библіографическое изслѣдованіе)“; 4) „Богатство и бѣдность съ христіанской точки зрѣнія (въ виду современныхъ соціальныхъ воззрѣній на данный предметъ)“; 5) „Догматическая система преосвященнаго Иннокентія (Борисова)“; 6) „Владиміро-Волынская православная епархія. Церковно-историческое изслѣдованіе“; 7) „О заграничныхъ православныхъ монастыряхъ въ XVIII в., подчиненныхъ Киевскому митрополиту“; 8) „Львовское Ставропигіальное Братство“; 9) „Кіевская митрополія до конца XVII в. (Историко-біографическій очеркъ)“; 10) „О боговдохновенности священнаго писанія (по ученію откровенія и церкви)“; 11) „Новозавѣтное ученіе объ Евхаристіи“; 12) „Исторія толкованія Апокалипсиса св. Іоанна Богослова (свято-отеческій періодъ)“; 13) „Православная церковь въ польско-литовскомъ государствѣ въ концѣ XVII и въ XVIII в. в.“, и для приведенія ихъ въ общую извѣстность напечатать въ академическомъ журналѣ.

XVII. Докладъ секретаря Совѣта: „По 6 § Положенія о преміи имени митрополита Московскаго Макарія за сочиненія наставниковъ и воспитанниковъ Академіи, 5 § Положенія о второй юбилейной преміи имени митрополита Московскаго Макарія, 6 § Положенія о преміи имени епископа Каневскаго Сильвестра за помѣщаемыя наставниками Академіи въ академическомъ журналѣ статьи и 7 § Положенія о преміи епископа Гурьскаго Михаила за сочиненія наставниковъ и воспитанниковъ Академіи по священному писанію, — Совѣтъ Академіи ежегодно назначаетъ комиссію изъ трехъ наставниковъ Академіи для выбора изъ годовой учено-литературной наличности

академическаго журнала и отдѣльно изданныхъ Академіей сочиненій, заслуживающихъ этихъ премій“.

Постановили: Въ составъ общей комиссіи для выбора на 1905 годъ сочиненій наставниковъ и воспитанниковъ Академіи, заслуживающихъ премій митрополита Макарія и епископовъ Сильвестра и Михаила, назначить заслуженныхъ ординарныхъ профессоровъ А. Розова, Н. Дроздова и и. д. доцента О. Мищенко.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Киевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „25 декабря 1904 г. Читаль“.

1904 года 13 денабря.

Въ собраніи Совѣта Киевской Духовной Академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессеры, кромѣ заслуженныхъ экстраординарныхъ профессоровъ М. Ястребова, не бывшаго по причинѣ болѣзни, и О. Покровскаго, не бывшаго по домашнимъ обстоятельствамъ, экстраординарныхъ профессоровъ Н. Маккавейскаго, находящагося въ отпускѣ, и священника О. Титова, не бывшаго по причинѣ рѣшенія въ собраніи касающагося его дѣла.

Слушали: I. а) Сданный Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Киевскимъ Флавіаномъ, въ Совѣтъ Академіи 18 октября сего года указъ Святѣйшаго Синода отъ 16 октября 1904 года за № 10187: „По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ имѣли сужденіе 1) по прошенію окончившаго курсъ ученія въ Киевской духовной семинаріи, сирійскаго уроженца Ибрагима Варвара о принятіи его въ Киевскую Духовную Академію, съ назначе-

нієм на содержаніе синодальной стипендіи, 2) по ходатайству ректора названной Академіи, преосвященнаго Чигиринскаго Платона о принятіи въ ту же Академію сербскаго священника Иліи Деметровича. Приказали: Разрѣшить Совѣту Кіевской Духовной Академіи допустить къ пріемнымъ для поступленія въ Академію испытаніямъ сирійскаго уроженца Ибрагима Варвара и сербскаго священника Деметровича, съ назначеніемъ, въ случаѣ принятія ихъ въ Академію, стипендіи, Варвару—изъ остатковъ отъ доходовъ съ имѣній восточныхъ монастырей въ Бессарабиі, а священнику Деметровичу—изъ духовно-учебнаго капитала“.

б) Прошенія: окончившаго Бѣлградскую богословскую школу, сербскаго уроженца, священника Иліи Деметровича, отъ 25 октября сего года, и окончившаго курсъ Кіевской духовной семинаріи, сирійскаго уроженца Ибрагима Варвара, отъ 27 того же октября, на имя Преосвященнаго Ректора, о разрѣшеніи имъ держать пріемныя испытанія для поступленія въ Академію.

в) Акты пріемныхъ испытаній поименованныхъ иностранныхъ уроженцевъ.

Постановили: Иностранныхъ уроженцевъ—священника Илію Деметровича и Ибрагима Варвара, сдавшихъ пріемныя испытанія въ Академіи, принять въ число студентовъ I курса Академіи, о чемъ на основаніи § 81 б. 1 Устава духовныхъ академій, представить на утвержденіе Его Высокопреосвященства, Митрополита Кіевскаго Флавіана, а по утвержденіи сообщить Правленію Академіи для зависящихъ распоряженій.

II. Представленіе профессоромъ В. Пѣвницкаго и П. Личницкаго, отъ 13 сего декабря: „Разсмотрѣвъ лучшія кандидатскія сочиненія студентовъ, окончившихъ курсъ въ настоящемъ 1904 году, мы признали заслуживающимъ преміи преосвященнаго митрополита Іосифа сочиненіе Корнилія Кеке-

лидзе на тему: „Литургическіе грузинскіе памятники въ отечественныхъ книгохранилищахъ и ихъ научное значеніе“.

Справка: По смѣтѣ 1904 года ассигновано на премію за лучшія кандидатскія сочиненія воспитанниковъ Академіи изъ процентовъ съ капитала митрополита Іосифа 165 р.

Постановили: Согласно съ представленіемъ профессоръ В. Пѣвницкаго и П. Линицкаго, удостоить сочиненіе кандидата богословія Корнелія Кекелидзе „Литургическіе грузинскіе памятники въ отечественныхъ книгохранилищахъ и ихъ научное значеніе“ преміи митрополита Іосифа въ 165 рублей, о чемъ, прамѣнительно къ § 81 б. 12. Устава дух. акад., представить на утвержденіе Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Флавіана, Митрополита Кіевскаго, а по утвержденіи сообщить Правленію Академіи для зависящихъ распоряженій касательно выдачи преміи по принадлежности.

На семь журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція: „25 декабря 1904 г. Утверждается“.

1904 года 13 декабря.

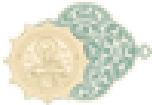
Въ собраніи Совѣта Кіевской Духовной Академіи, подъ предѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Платона, присутствовали ординарные и экстраординарные профессеры, кромѣ заслуженныхъ экстраординарныхъ профессоръ М. Ястребова, не бывшаго по причинѣ болѣзни, и Ѳ. Покровскаго, не бывшаго по домашнимъ обстоятельствамъ, экстраординарныхъ профессоръ Н. Макавейскаго, находящагося въ отпускѣ, и священника Ѳ. Титова, не бывшаго по причинѣ рѣшенія въ собраніи касающагося его дѣла.

Слушали: Предложеніе Преосвященнаго Ректора Академіи касательно изданія „Актѣвъ и документовъ по исторіи Киевской Академіи“, отъ 13 декабря сего года:

„Профессоръ Н. И. Петровъ, членъ комиссіи по изданію актовъ и документовъ для исторіи Киевской Духовной Академіи, въ своей бумагѣ, отъ 22 мая сего 1904 года, поданной въ Совѣтъ Академіи, заявляетъ, что онъ, въ виду неопредѣленности положенія комиссіи и ея денежныхъ средствъ вынужденъ воздержаться отъ дальнѣйшей работы по изданію актовъ. Подъ этою „неопредѣленностью“ и по смыслу той-же бумаги, и по другимъ даннымъ, надо разумѣть недостатокъ средствъ для изданія актовъ и вопросъ о вознагражденіи членовъ комиссіи за ихъ трудъ. Вопросъ этотъ былъ поднятъ членами комиссіи еще въ засѣданіи Совѣта 21 марта 1902 года, но рѣшеніе его было отложено. (Отложено оно было не потому, конечно, что оно не возможно, а потому, что рѣшеніе это касается не только матеріальной, а отчасти и моральной стороны дѣла). Вотъ вкратцѣ исторія всего этого дѣла.

26 октября 1901 года высокопреосвященный Димитрій, архіепископъ Казанскій, бывшій тогда ректоромъ Киевской Духовной Академіи, вошелъ въ собраніе Совѣта ея съ предложеніемъ о необходимости, въ виду приближенія 300-лѣтняго юбилея Академіи и неимѣнія полной исторіи ея, 1) собраніе и изданіе „Актѣвъ по исторіи Академіи“, 2) составленіе, на основаніи ихъ, самой исторіи Академіи и 3) составленіе академическаго ученаго Синодика. Тогда-же высокопреосвященный Димитрій указалъ на профессоровъ Н. И. Петрова, Ст. Т. Голубева и священника Ѳ. И. Титова, какъ на лицъ, которые могутъ взять и которымъ слѣдовало бы взять на себя эту работу.

Вмѣстѣ съ этимъ высокопреосвященный Димитрій на означенное дѣло пожертвовалъ 3000 рублей „пока“, „по одной тысячѣ на каждое академическое столѣтіе“.

Совѣтъ Академіи, заслушавъ это предложеніе, постановилъ: „вполнѣ соглашаясь съ предложеніемъ ректора Академіи, образовать комиссію изъ заслуженныхъ ординарныхъ профессоровъ Н. Петрова и С. Голубева и доцента священника Ѳ. Титова для собранія и изданія относящихся къ исторіи Киевской Академіи актовъ и для послѣдующаго составленія, на основаніи ихъ, самой исторіи Академіи за три вѣка ея существованія, предоставивъ комиссіи, по ея усмотрѣнію, пригласить какъ къ совѣщаніямъ, такъ и къ самому участию въ предполагаемыхъ изданіяхъ и другихъ членовъ академической корпораціи. Означенной комиссіи поручить также составленіе и академическаго ученаго Синодика, согласно сдѣланному въ предложеніи указанію. Вмѣстѣ съ тѣмъ поручить комиссіи представить въ Совѣтъ Академіи предварительныя соображенія касательно плана и объема предполагаемыхъ работъ. Жертвуемые преосвященнымъ ректоромъ три тысячи рублей принять и предназначить ихъ на расходы по предполагаемымъ изданіямъ“.

Во исполненіе постановленія Совѣта Киевской Духовной Академіи поименованная комиссія представила въ Совѣтъ Академіи донесеніе отъ 20 марта 1902 года.

По этому донесенію, профессоръ С. Т. Голубевъ изъявилъ желаніе взять на себя трудъ собранія актовъ по исторіи Академіи съ 1615 до 1721 года, т. е. до учрежденія Святѣйшаго Синода, съ поясненіемъ, что акты и вообще историческіе матеріалы за это время часто съ большимъ трудомъ поддаются отысканію, имѣютъ отрывочный характеръ и нуждаются въ болѣе или менѣе обширныхъ пояснительныхъ примѣчаніяхъ.

Профессоръ Н. И. Петровъ согласился взять на себя собраніе и приготовленіе къ печати актовъ Академіи съ 1721 года до царствованія Павла Петровича (1796 г.), а доцентъ священникъ Ѳ. И. Титовъ—собраніе и приготовленіе къ изданію актовъ съ царствованія Императора Павла I (съ 1796 г.). Оба они находятъ возможнымъ ограничиться предѣ-

словіемъ къ каждому тому, научно освѣщающимъ его содержаніе, безъ подробныхъ примѣчаній къ самымъ актамъ.

По заявленію профессора С. Т. Голубева, его акты по исторіи Киевской Академіи съ 1615 до 1721 года составляютъ около 7 томовъ. Предполагается, что столько-же томовъ матеріаловъ будетъ и по исторіи Киевской Академіи съ 1721 года по 1817 годъ, съ прибавленіемъ извлеченій изъ академическаго архива за послѣдующее время.

Слѣдовательно, всѣхъ матеріаловъ по исторіи Киевской Академіи будетъ *около 14 томовъ*.

Исторія Академіи съ 1615 по 1817 годъ могла бы быть составлена, по мнѣнію комиссіи, по изданіи этихъ актовъ, главнымъ образомъ на основаніи ученыхъ предисловіи къ каждому тому актовъ, съ необходимыми поправками, дополненіями, съ приведеніемъ возможныхъ разнорѣчій во взглядахъ редакторовъ отдѣльныхъ томовъ памятниковъ къ одному общему взгляду. Что-же касается исторіи Академіи съ 1819 года и до послѣдняго времени, то это дѣло согласился взять на себя Ѳ. И. Титовъ.

На составленіе исторіи Академіи потребуется отъ 4 до 5 томовъ.

Синодикъ составитъ одинъ особый томъ изданія.

Итакъ, всѣхъ томовъ изданія, приблизительно по 30 листовъ каждый, предполагается около 20.

Общую стоимость ихъ комиссія не можетъ опредѣлить, такъ какъ она не знаетъ, въ какомъ количествѣ экземпляровъ имѣютъ печататься акты и исторія Академіи. Комиссія неизвѣстно также, какими средствами она можетъ располагать на необходимыя поѣздки для собиранія историческихъ матеріаловъ и снятія копій—въ чемъ уже и теперь чувствуется настоящая потребность, а также, на какое матеріальное вознагражденіе могутъ расчитывать члены комиссіи за свой трудъ. Послѣдній вопросъ является настоящимъ въ виду того обстоятельства, что въ Киевѣ уже давно существуетъ „Временная комиссія для разбора древнихъ актовъ“, съ достаточными матеріальными

средствами, которая может подрывать и парализовать дѣйствія академической комиссіи, привлекая ея членовъ къ своимъ затятіямъ за опредѣленное нескудное вознагражденіе“. Совѣтъ Академіи по поводу этого донесенія постановилъ: „Донесеніе комиссіи принять къ свѣдѣнію. На первоначальные расходы по снятію копій для изданія актовъ по исторіи Академіи отпустить необходимую сумму изъ предназначенныхъ на это изданіе денегъ, по представленіи членами комиссіи надлежащихъ заявленій. Объ остальномъ имѣть сужденіе впослѣдствіи.

При предложеніи отъ 12 мая 1902 года высокопреосвященный Димитрій къ внесеннымъ имъ „на дѣло изданія актовъ 3000 рублей“ присоединилъ изъ собственныхъ средствъ еще 1000 руб., „желая содѣйствовать изданію первыхъ томовъ академическихъ актовъ въ возможно лучшемъ видѣ, въ случай напимѣръ, потребуются чертежи, снимки“.

Къ 1 января 1903 года сумма на изданіе актовъ составляла 4100 р. въ $\frac{0}{100}$ бумагахъ и 133 р. 90 к. въ наличныхъ деньгахъ.

Въ 1903 году употреблено изъ наличныхъ денегъ на переписку разныхъ бумагъ 136 р. 10 коп.

Въ октябрѣ 1903 года высокопреосвященный Димитрій пожертвовалъ на изданіе актовъ еще 1000 руб.

Къ 1 января 1904 года сумма на изданіе актовъ составляла 5100 р. въ $\frac{0}{100}$ бумагахъ и 157 р. 3 коп. въ наличныхъ деньгахъ.

Ожидается $\frac{0}{100}$ за 1904 годъ 193 руб. 80 коп. Возвращено проф. Н. И. Петровымъ 32 р. 41 коп.

Всего 5100 р. въ $\frac{0}{100}$ бумагахъ и 383 р. 24 коп. въ наличныхъ деньгахъ.

Изъ части, отчисленной на долю проф. Петрова, выдано по журналу Правленія отъ 4 августа 1904 года:

типографіи Чоколова за напечатаніе 1-го тома (въ 2-хъ частяхъ) актовъ и документовъ, собранныхъ проф. Н. И. Петровымъ, въ 500 экземплярахъ:

за наборъ и печать 64 $\frac{1}{4}$ л. по 16 р.	1028 р.
за бумагу	375 р. 86 к.
за напечатаніе обложекъ къ 1 и 2 ч.	3 р.
за бумагу для обложекъ	10 р.
за брошюровку 500 экз. 1 и 2 ч. по 25 р.	50 р.
за бумагу и брошюровку 10 цензурн. экз.	10 р.

Всего 1476 р. 80 к.

И проф. Н. И. Петрову:

за корректуру	200 р.
и за составленіе указателя.	100 р.

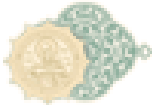
300 р.

Всего уплачено . . . 1776 р. 80 к.

Остается 3706 р. 44 коп. Въ сентябрѣ этого года высокоспреосвященный Димитрій прислалъ на тотъ же предметъ еще 500 р. Значить, всѣхъ денегъ 4206 р. 44 коп. Но эти деньги пойдутъ на изданіе актовъ профессорами Голубевымъ и Титовымъ. Значить, для проф. Петрова почти нѣтъ ничего, не только на вознагражденіе его за трудъ, но и на продолженіе изданія актовъ.

Предлагая Совѣту Академіи войти въ обсужденіе вопроса объ изысканіи средствъ для продолженія изданія актовъ по исторіи нашей Академіи, я въ нѣсколькихъ словахъ выскажу свой взглядъ на значеніе этихъ актовъ, чтобы вмѣстѣ съ этимъ или тѣмъ самымъ указать Совѣту на то, что у него есть нѣкоторая право-возможность обратиться за этими средствами въ Святѣйшій Синодъ.

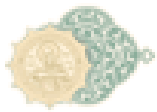
Изданіе актовъ по исторіи нашей Академіи мы должны и можемъ считать *высоко важнымъ въ научно́мъ отношеніи и необходимымъ*, въ виду особеннаго смысла и значенія, а также и характера исторіи нашей Академіи.

Изданія актовъ не производятъ на читающую публику такого впечатлѣнія, какъ самостоятельныя, обработанныя и законченныя изслѣдованія. Но такія изслѣдованія не мыслимы безъ изданія актовъ. Когда мы заходимъ въ садъ, то обращаемъ, прежде всего, вниманіе свое на свѣжесть зелени, сочность листьевъ на деревьяхъ, на плоды. Но спросите опытнаго, преданнаго своему дѣлу, садовода: о чемъ онъ больше всего заботится, чѣмъ онъ больше дорожитъ? Онъ вамъ скажетъ, что корнями. Да и понятно. Если корни дерева здоровы, сочны, то и листья дерева будутъ зелены и плоды его будутъ прекрасны. Я позволю себѣ сравнить историческіе акты съ корнями, а историческія изслѣдованія съ листьями и плодами.

Если мы будемъ имѣть полное собраніе подлинныхъ, критически провѣренныхъ и научно изданныхъ актовъ, то тѣмъ будетъ обезпечено и составленіе подлинной исторіи нашей Академіи, какой она, конечно, заслуживаетъ и доселѣ ожидаетъ.

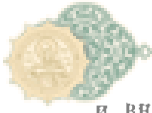
Высокую научную цѣнность имѣютъ самостоятельныя историческія изслѣдованія. Но, думаю, я не преувеличу, если скажу, что научное изданіе историческихъ актовъ имѣетъ если не большую, то во всякомъ случаѣ такую же научную цѣнность. Въ самомъ дѣлѣ, всякое изслѣдованіе, какъ-бы оно ни было совершенно, не свободно отъ извѣстныхъ недостатковъ, свойственныхъ всѣмъ вообще произведеніямъ человеческихъ рукъ: то въ видѣ неполноты обобщеній, то въ видѣ ошибочныхъ выводовъ, то въ видѣ неправильнаго освѣщенія. Отсюда происходитъ то, что всякое вообще ученое изслѣдованіе, какъ-бы совершенно оно ни было, имѣетъ только временное значеніе. Не то представляютъ изданія историческихъ актовъ. Они содержатъ чистые факты. Они сохраняютъ если не вѣчное, — здѣсь на землѣ нѣтъ ничего вѣчнаго, — то во всякомъ случаѣ многовѣковое значеніе. Они представляютъ не личную и даже не частную, но въ полномъ смыслѣ слова общественную собственность.

Высоко цѣнятся у насъ исагогическія и экзегетическія ученія изслѣдованія; но еще выше ихъ цѣнятся критическія изданія подлиннаго священнаго текста. Я, разумѣется, далеко отъ мысли ставить въ одну линію изданія священнаго библейскаго текста и историческихъ актовъ. Но аналогія эта допущена мною для большаго выясненія высокой научной цѣнности и важности изданія историческихъ актовъ.

Если для другихъ областей историческаго знанія и для составленія исторіи другихъ историческихъ институтовъ предварительное изданіе историческихъ актовъ весьма важно и по тому весьма желательно, то для выясненія исторіи нашей Академіи оно положительно необходимо. Къ тѣмъ соображеніямъ, которыя на этотъ счетъ такъ убѣжденно выразилъ намъ незабвенный ректоръ, мой предшественникъ, я прибавлю только слѣдующее.

Исторія Киевской Академіи, между прочимъ, имѣетъ и должна имѣть *апологетическій* характеръ. Въ этомъ отношеніи она раздѣляетъ судьбу исторіи всей вообще Западной Руси и, въ частности, западно-русской церкви. Западная Русь въ теченіе многихъ вѣковъ служила полемъ, на которомъ встрѣчались и боролись между собою двѣ народности—русская и польская, бывшія представительницами двухъ культуръ—восточно-православной и западно-латинской. Борьба эта не прекратилась и доселѣ. Она продолжается только не на полѣ брани, не на ратномъ полѣ, а на страницахъ ученыхъ историческихъ работъ. Русскіе и польскіе ученые и нынѣ ведутъ борьбу, вооруженные не копьями и щитами, а историческими документами и актами, изъ-за тѣхъ же самыхъ полей и мѣстностей, на которыхъ нѣкогда проливали свою кровь ихъ предки. Борьба эта имѣетъ тѣснѣйшее и ближайшее отношеніе къ нашей Академіи. Желая доказать, что вся Западная Русь—достояніе польскаго народа, польской образованности, польскіе историки въ послѣднее время, какъ намъ извѣстно, объявили и нашу Академію польско-латинскою школою по духу ея и по всему внѣшнему

и внутреннему строю. Итакъ, та самая школа, которая всегда считалась и дѣйствительно была разсадницею, защитницею и оплотомъ православія и русской народности, въ глазахъ польскихъ историковъ и въ ихъ сочиненіяхъ является насадительницею и распространительницею въ Западной Руси польско-латинской культуры, посредницею между польско-латинскимъ Западомъ и православно русскимъ Востокомъ.

Само собою разумѣется, что при такомъ положеніи въ наукѣ вопроса о прошломъ нашей Академіи намъ недостаточно точно написать ея исторію, намъ надо и оправдать эту исторію документами, недостаточно только сказать, что Академія Киевская есть оплотъ православія русской народности, но и необходимо и показать это на дѣлѣ, на памятникахъ ея прошлой жизни. Я хочу сказать: *необходимо изданіе актовъ по исторіи Киевской Академіи*. Въ виду широкаго, можно сказать, всеобъемлющаго значенія, какое имѣла наша Академія въ жизни русской церкви, русскаго народа и государства, эти акты будутъ имѣть значеніе не для однихъ только историковъ собственно нашей Академіи, но и для другихъ ученыхъ, занимающихся изслѣдованіемъ другихъ областей прошедшей жизни русскаго народа. Въ нихъ будутъ имѣть источникъ для своихъ разысканій и изслѣдователи языка, филологи, и возстановители быта народнаго, и канонисты и т. д.

Изданіе актовъ необходимо. Средства на это дѣло у насъ нѣтъ. Академія триста лѣтъ служить духовнымъ интересамъ русской православной церкви и русскаго народа. Она можетъ, слѣдовательно, обратиться за этими средствами въ Святѣйшій Синодъ.

Сколько же надо этихъ средствъ?

„Средствъ потребуется не мало“, говорилъ въ своемъ предложеніи высокопреосвященный Димитрій. Выходя изъ того, что на первый томъ проф. Петрова вышло 1776 руб., а всѣхъ томовъ предположено къ изданію 20, сумму эту приблизительно можно опредѣлять въ 25000 руб., кромѣ пожертвованныхъ высокопреосвященнымъ Димитріемъ. Впрочемъ, мнѣ думается,

что точно опредѣлить эту сумму сейчасъ нельзя, да и незачѣмъ. Намъ слѣдуетъ сдѣлать въ Св. Синодѣ докладъ о необходимости изданія актовъ и вмѣстѣ просить Его Высокопреосвященство ходатайствовать предъ Св. Синодомъ объ открытіи кредита на изданіе актовъ по мѣрѣ выхода въ свѣтъ напечатанныхъ томовъ этихъ актовъ и по представленіи въ Хозяйственное Управленіе при Св. Синодѣ надлежащихъ по расходу на изданіе этихъ томовъ совѣтскихъ отчетовъ.

Что касается вознагражденія членовъ комиссіи за ихъ трудъ по изданію актовъ, то этотъ вопросъ, повидимому, въ полной зависимости отъ перваго. Нѣтъ средствъ на изданіе, нѣтъ ихъ и на вознагражденіе. Съ своей стороны я увѣренно могу сказать, что члены комиссіи не отвлекутся отъ порученнаго имъ дѣла ничѣмъ, даже и „нескуднымъ вознагражденіемъ“ со стороны. За дѣло изданія они взялись съ „полною готовностью“, и сдѣлаютъ его по мѣрѣ силъ своихъ и знанія. Главною наградою для нихъ будетъ самая эта работа для родной Академіи. На первомъ Совѣтѣ рѣчь о вознагражденіи даже и не поднималась. Почему? Бывшій ректоръ Академіи сдѣлалъ предложеніе объ изданіи актовъ и сдѣлалъ пожертвованіе на это изданіе. Думалъ-ли онъ тогда о денежномъ вознагражденіи трудящихся надъ изданіемъ актовъ? Быть можетъ, и думалъ. Но можно думать и такъ, что по своей безпредѣльной любви къ родной Академіи онъ, жертвуя средства на столь дорогое дѣло, могъ разсчитывать на то, что и другіе изъ насъ, кто можетъ, могутъ пожертвовать на это же дѣло, если не средства, то свой трудъ.

Однако трудъ этотъ много потребуесть у членовъ комиссіи времени, а между тѣмъ они живутъ, между прочимъ, и ценомъ, потребуесть много матеріальныхъ затратъ на поѣздки, прожитіе въ чужихъ городахъ, снятіе копій, переписку и т. д. Корректурa—дѣло, требующее платы... Въ виду этого, вознагражденіе является уже дѣломъ и должнымъ и необходимымъ. Но какъ цѣнить на деньги такой трудъ, сколько выдавать за